

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИЙ ПРИЧАСТИЙ И ФОРМ
ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
ТОМАСА МАННА**И.А. Шипова**

Аннотация. В статье раскрываются свойства немецких причастий как глагольно-именной формы, которая отличается рядом качественных характеристик, позволяющих достичь в текстах различных функциональных стилей целей эффективной коммуникации. Иллюстративный материал публикации состоит из небольшого корпуса текстов новелл Томаса Манна, который показывает, каким образом причастия способствуют созданию напряжения в повествовании, позволяют передать оттенки выражаемых с их помощью значений, как вариативность их позиционирования влияет на общий характер написанного. В рамках художественного текста включение в состав атрибутивных групп валентных связей глагола, от которого причастия образованы, придают существительному как стержневому слову синтагмы процессуальную семантику. Подобренные примеры демонстрируют, как аккумуляция признаков при использовании синтаксически параллельных комбинаций элементов значительно расширяет выразительный потенциал текста, включающего данную грамматическую форму. Так как причастия отличаются позиционной гибкостью, они могут влиять на ритмическую организацию текста, что наглядно продемонстрировано в статье. Анализ названных свойств причастий представляет их семантико-синтаксический и художественно-выразительный потенциал.

Ключевые слова: процессуальная и таксисная семантика причастий, атрибутивная функция причастий, экспрессивность текста, текстовая компрессия.

SPECIFICS OF THE FUNCTIONS OF PARTICIPLES AND FORMS OF THEIR IMPLEMENTATION IN THOMAS MANN'S LITERARY TEXT

I.A. Shipova

Abstract. *The article reveals the properties of German participles as a verb-nominal form, which differs in a number of qualitative characteristics that allow achieving the goals of effective communication in texts of various functional styles. The illustrative material of the publication consists of a small corpus of Thomas Mann's novels, which shows how the participles contribute to the creation of tension in the narrative, allow to convey the shades of meaning expressed with their help, how the variation of their positioning affects the general nature of the written material. Within the framework of a literary text, the inclusion of valent connections of the verb from which the participles are formed in the attributive groups gives the noun as the core word of the Syntagma a procedural semantics. These examples demonstrate how the accumulation of features using syntactically parallel combinations of elements significantly expands the expressive potential of a text that includes this grammatical form. As the participles are characterized by positional flexibility, they can influence the rhythmic organization of the text, which is clearly demonstrated in the article. The analysis of the mentioned properties of the participles represents their semantic-syntactic and artistic-expressive potential.*

Keywords: *procedural and taxis semantics of participles, attributive function of participles, expressiveness of the text, text compression.*

Интерес исследователей к причастию в языкознании вполне закономерен, поскольку оно занимает особую позицию в грамматической системе частей речи языка. В.В. Виноградов писал, что «в формах причастий наблюдается необыкновенно острый и сложный процесс грамматической гибридации», имея в виду комплекс свойств, связанных с их «родством» как с глаголами, так и с прилагательными. В результате «в причастной форме сталкиваются и объединяются противоречивые ряды значений» [1, с. 230], что позволяет реализовать сложные стилистические задачи при создании текстов различных функциональных стилей.

То же самое можно сказать и о причастиях в немецком языке. Б. Ленц [2, S. 43] отмечает, что причастие занимает место между прототипическим глаголом и прототипическим именем прилагательным, но при этом не может рассматриваться как однородное явление, поскольку различия между отдельными причастиями выходят за рамки их прототипической характеристики. Типичные свойства первых причастий — активный статус действия и одновременность с моментом высказывания — не должны выражать состояние, что, однако, вполне вписывается в семантику глаголов *lieben* — *любить* или *existieren* — *существовать*.

415

die liebende Mutter (любящая мать); der existierende Widerspruch (существующее противоречие) — выражение состояния.

Б. Хандверкер [3, S. 127] утверждает, что этот тип причастий не может быть частью именного сказуемого:

*Die Hand ist schreibend (*рука пишуща).

Однако это опровергается примерами типа:

Der Film ist beeindruckend (фильм впечатляет) / Die Frau ist anziehend (женщина привлекательна) / Das Wasser ist lockend (вода манит) / Die Geschichte war rührend (история трогательна).

Иными словами, свойства и возможности реализации причастия в немецком языке зависят от значения глагола, от которого оно образовано, а также от его способности приобретать через лексикализацию свойства прилагательного, что далеко не всегда вписывается в рамки существующих классификаций.

В структуре предложения причастия могут выполнять различные синтаксические функции и выступать в качестве разновидностей атрибута, или обстоятельства с выраженными процессуальными характеристиками, что влечет за собой разнообразие и многомерность передаваемого с их помощью содержания.

Свойства и значение причастий как атрибутивных форм обусловлено контекстом, то есть проявляется на уровне текста, что позволяет определять их как «синтаксические дериваты» функционально-синтетической парадигмы [4, с. 110], поэтому достаточно полный анализ причастий как грамматической формы возможен только в рамках текста с учетом его

функционально-стилистической направленности.

Традиционно причастие рассматривается как типичный элемент научного, административного, юридического или какого-либо иного профессионального дискурса. Способность причастий сохранять такие глагольные свойства, как залоговость [5; 7, с. 53], темпоральность [6; 8; 9], выраженность категории вида позволяет использовать их в составе атрибутивных групп различной степени распространенности [ср.: 7, с. 49]. При этом в их состав включаются валентные связи глагола, от которого они образованы, придающие имени существительному как стержневому слову синтагмы процессуальную семантику в виде определения. Результатом использования причастий с зависимыми словами в распространенных атрибутах становится компрессия информации в высказывании за счет уплотнения содержательного наполнения предложения при сокращении его объема. Например:

(4) Das Verhängen einer Sanktion ist durch die Sixpack-Reformen nun bereits zusammen mit der Feststellung eines übermäßigen Defizits (3. Stufe) möglich,...oder, wenn die Kommission „besonders schwerwiegende Verstöße“ gegen die im Stabilitäts- und Wachstumspakt festgelegten haushaltspolitischen Verpflichtungen festgestellt hat (Institutionelle Änderungen im Euro-Raum und der Europäischen Union) [10].

Фрагмент (4) иллюстрирует, как в рамках административного текста оба вида причастий используются для выражения весьма сложного содержания, в котором в одном высказывании реализуются сразу три про-

позиции. Одна из них — выражена собственно глаголом, а две другие интегрированы с помощью причастий и включают в себя семантику активного действия (*schwerwiegend* — имеющие существенные последствия) и завершенности (*festgelegt* — определенные правовым порядком), причем каждое из них имеет при себе группу зависимых слов.

Как правило, институциональные тексты, содержащие структуры подобного рода, стилистически нейтральны, определяются как формализованные, лишённые экспрессивных и эмотивных элементов, «сухие» и обезличенные.

Однако подобный ракурс анализа далеко не исчерпывает возможностей причастия, использование которых способствует созданию выразительных и многоплановых текстов с высоким художественным потенциалом, что было отмечено Р.О. Якобсоном в ряде работ, посвященных изучению поэтического текста. Еще в 30-х гг. XX века он писал о важности понимания функции грамматических средств в художественной речи, упоминая, в частности, значимость сходства и смежности различных времен, глагольных видов и залогов в композиции текстов [11, с. 215].

В.В. Виноградов отмечал, что причастия не имеют формы времени [12, с. 225], однако, в основе их классификации лежит бинарный темпоральный и аспектуальный принцип, отражающий характер выраженного глагольного действия [ср. 13, с. 34, 43]. Практически во всех грамматиках подчеркивается, что причастиям присущ признак (отенок) глагольного времени [14, с. 175], благодаря чему они создают в целостной струк-

туре высказывания политемпоральный уровень, отражая таксистные отношения через воспроизведение грамматической атрибутивно-предикативной двойственности форм настоящего времени и прошедшего времени, восходящего к перфекту [15, с. 240], передавая значение предшествования или одновременности.

Своеобразие причастий как явления языковой системы мастерски используется создателями художественных текстов — писателями и поэтами. В немецкой литературе яркий пример тому — Томас Манн, выдающийся представитель немецкой и мировой культуры. На материале текстов его произведений можно проследить, в каких функциях и насколько яркими по своей выразительности могут быть немецкие причастия, и на чем основывается возникающее с их помощью воздействие на реципиента, читающего его произведения. Теперь обратимся к конкретному материалу, контекстуальный и грамматико-синтаксический анализ которого призван предложить всестороннюю трактовку роли причастий в художественном тексте в целом.

Рассмотрение причастий в предложении традиционно начинается с их использования в атрибутивной функции.

В текстах новелл и романов Т. Манн использует причастия в полной форме в качестве согласованного определения в препозиции, актуализируя адъективную репрезентацию определенного процесса, выводя ее в соответствующем контексте на передний план. Выразительность и образность подобных определений напрямую связана с семантикой исходных

глаголов. В силу динамизма их значений глаголы, как основное средство выражения процессуальности, способны адекватно отражать эмоциональные состояния человека [16, с. 26], что в художественном тексте зачастую имеет приоритетное значение.

В (5) причастие первое, образованное от глагола *beglücken* — *осчастливит* отражает эмоциональную доминанту высказывания, актуализируя внутреннее состояние субъекта повествования.

Der Tag aber war gut und schön gewesen, er hatte einen *beglückenden* Inhalt gehabt, wenn mir am Klaviere ein Motiv gelungen war, [...] [17, S. 19].

В примере (5) доминирует эстетическая составляющая, отражающая внутреннюю гармонию субъекта изложения, в котором элемент, выраженный причастием, способствует усилению этой доминанты. Причастие несет в себе акциональность и одновременность с глагольной формой семантического ядра высказывания, что подчеркивает действенный характер эмоционально окрашенного определения.

(6) Zuweilen brauchte er nur seine Hand zu betrachten, um von einer *begeisterten* Zärtlichkeit für sich selbst erfüllt zu werden, [...] [ebd., S. 187].

Причастие второе *begeistert* — *восхищенный*, не передающее в русском переводе семантику законченного действия, в примере (6) позволяет оттенить и подчеркнуть результативность эмоционального воздействия на субъект повествования с помощью определяемого существительного, значение которого усиливает эмотивную направленность: *Zärtlichkeit* — *нежность*. В результате, рассмотрение оттенков семан-

тических связей между определением и определяемым перерастает границы синтаксиса — синтаксический строй речи переплетается с лексико-грамматическими свойствами слова [18, с. 253].

Примеры (5) и (6) демонстрируют, как определения в препозиции в форме первого и/или второго причастия способствуют усилению эмотивного содержания художественного текста.

Многообразнее и ярче причастия выступают в своей краткой форме, когда они, являясь инфинитными единицами языка, приобретают определенную позиционную гибкость в предложении. Их синтаксическая роль коррелируется с их адвербиальной формой и варьируется в зависимости от позиции стержневого слова, процессуальная характеристика которого актуализируется благодаря причастию как имплицитная предикативность.

В (7) представлены два причастия первых, одно из которых в роли определения в препозиции отражает динамический характер процесса, а второе, реализуемое в краткой форме, выступает в качестве постпозитивного несогласованного атрибута, рассматриваемого в немецких грамматиках как разновидность приложения [19, с. 430].

Hinter dieser Stirn waren die *blitzenden* Repliken des Gesprächs zwischen Voltaire und dem Könige über den Krieg geboren; (7a) *diese Augen, müde und tief durch die Gläser blickend*, hatten das blutige Inferno der Lazarette des Siebenjährigen Krieges gesehen [21, S. 30].

Фрагмент (7) интересен сочетанием двух разных синтаксических эле-

ментов, выраженных одной грамматической формой: причастие первое *blitzende* (подобные молнии) в функции препозитивного атрибута определяет нейтральное имя существительное *Repliken* (реплики) в экспрессивном ключе, чем метко отражает характер общения коммуникантов.

Во втором случае в сегменте (7a) приложение с причастием *müde und tief durch die Gläser blickend* (неchalно и глубоко глядя через очки) выступает как полупредикативное осложнение предложения, нарушающее линейность структуры, благодаря чему все высказывание приобретает особый ритмический рисунок. Такое сопряжение четырех эксплицитных и имплицитных пропозиций в одной структуре расширяет выразительные возможности текста благодаря варьированию грамматических фигур с глаголами и причастиями. Экспрессивная насыщенность высказывания возрастает из-за включения элемента изобразительного ряда, в то время как его объем остается относительно малым.

В текстах Т. Манна причастие появляется в функции предикативного атрибута — компонента высказывания, который соотносится одновременно и с качественной характеристикой определяемого имени существительного и с производимым им действием. Такая комбинация семантического наполнения способствует компрессии информации, с одной стороны, и влияет на возрастающую многоплановость повествования, с другой, что повышает информативную насыщенность текста. Пример (8) иллюстрирует данное явление:

Er hielt sich nach Tische *rauchend, sitzend, umherwandelnd*, in dem aben-

dlich *duftenden* Parke auf, ging zeitig zur Ruhe und verbrachte die Nacht (8a) in anhaltend *tiefem*, aber von Traumbildern verschiedentlich *belebtem* Schlaf [ebd., S. 54].

Заметим, что фрагмент (8) примечателен еще одной особенностью, характерной для текстов Т. Манна: автор увеличивает содержательное наполнение высказывания за счет аккумуляции однородных членов предложения. Группа предикативных атрибутов *rauchend, sitzend, umherwandelnd* (куря, сидя, глядя по сторонам) передает состояние внешнего покоя субъекта описания, перечисляя производимые им действия в режиме одновременности относительно сказуемого (*hielt sich nach Tische — оставался за столом*). Распространенное определение (8a) во фрагменте иллюстрирует, каким образом происходит усиление выразительности признака *belebt* — оживленный (*von Traumbildern — сновидениями*) существительного *Schlaf* — сон, содержащегося в атрибуте, благодаря наличию в группе причастия качественного прилагательного с дополнением в виде наречия (*tief — глубокий; anhaltend, — продолжительный*).

Разного вида обстоятельства значительно обогащают содержание любого высказывания. Причастия в этой синтаксической функции особенно емки, если они имеют при себе зависимые слова. Будучи смешанной глагольно-именной формой, причастие привносит в причастный оборот свои глагольно-синтаксические связи и создает предпосылки для значительного расширения рамок описания, его объемности. Именно благодаря причастию с его группой, в которой может быть в точности

воспроизведена глагольно-сказуемая группа с ее многообразными синтаксическими отношениями при сохранении всей системы формальных средств выявления этих отношений, группа сказуемого получает возможность выразить исключительно богатое и сложное содержание, обычно выражаемое распространенными и даже сложными предложениями [18, с. 281].

(9) *Er ging den Weg, den er gehen musste, ein wenig nachlässig und ungleichmäßig, vor sich hinpeifend, mit seitwärts geneigtem Kopfe ins Weite blickend, und wenn er irreging, so geschah es, weil es für etliche einen richtigen Weg überhaupt nicht gibt* [21, S. 37].

Пример (9) интересен тем, что основная информация о субъекте повествования сосредоточена в топиковой части высказывания: *он шел тем путем, которым должен был идти*. Причастные группы здесь выполняют функцию модальных обстоятельств и включают как процессуальный, так и признаковый элементы, что связано с глагольными и с именными свойствами самих причастий. Однако данный сегмент не несет важной содержательной нагрузки, а только дополняет его деталями: *vor sich hinpeifend, ins Weite blickend (носвистывая и глядя в даль)*. Их двоякость в примере конкретизирует поведение персонажа и как бы завершает один содержательный блок. Во второй части высказывания автор переходит к обобщению: *so geschah es, weil es für etliche einen richtigen Weg überhaupt nicht gibt (это произошло, потому что для некоторых вовсе не существует верного пути)*, не связанному непосредственно с контекстом описания. В результате причаст-

ные группы маркируют переход от непосредственно содержания к обобщению более высокого уровня, имеющего важное композиционное значение в тексте в целом.

Позиционно причастие может занимать место, заключающее группу зависимых слов, как в (9), а также вводить ее в высказывание, как в (10). В последнем случае такой словопорядок обусловлен чрезвычайной распространенностью каузального обстоятельства:

Überreizt von der schwierigen und gefährlichen, eben jetzt eine höchste Behutsamkeit, Umsicht, Eindringlichkeit und Genauigkeit des Willens erfordernden Arbeit der Vormittagsstunde, hatte der Schriftsteller dem Fortschwingen des produzierenden Triebwerkes in seinem Innern, jenem "motus animi continuus", worin nach Cicero das Wesen der Beredsamkeit besteht, auch nach der Mittagsmahlzeit nicht Einhalt zu tun vermocht und den entlastenden Schlummer nicht gefunden, der ihm, bei zunehmender Abnutzbarkeit seiner Kräfte, einmal untertags so nötig war [20, S. 9].

Фрагмент (10), содержащий весьма распространенную группу зависимых от причастия (*Überreizt — раздраженный*) слов, является наглядным примером экспрессивно-информационной насыщенности данной грамматической структуры. Т. Манн пользуется этим, включая в причастный оборот еще и перечислительный ряд, который, как правило, выступает элементом экспрессивного синтаксиса. Благодаря такому приему в тексте органично переплетаются тонкие детали внутреннего состояния героя повествования, повышая эмотивную насыщенность рассказа.

В (9) и (10) причастия оказываются ядром целой синтаксической группы. Как правило, такие группы состоят, в первую очередь, из обстоятельств и дополнений, но иногда из модальных слов и проч. [18, с. 281]. В таких случаях возникает причастный оборот, в котором качественные характеристики взаимодействуют с процессуальными и тем самым взаимодополняют друг друга. Используя подобные синтаксические приемы, Т. Манн создает особый чувственный фон повествования, повышающий общий уровень выразительности текста. Обстоятельство в виде причастного оборота позволяет в краткой сжатой форме довести до читателя детали содержания, которые становятся релевантными в зависимости от авторской интенции в каждом конкретном случае.

Характерным для текста Т. Манна является описание того, как ведут себя, как говорят, как наблюдают за происходящим вокруг себя его персонажи. С помощью причастий автор интегрирует мелкие, на первый взгляд несущественные детали в текст повествования и создает ту особую атмосферу, в которой живут и действуют его герои.

Причастия в описаниях в (11) и (12) также представляют собой модальные обстоятельства. Вводимые в повествование, они создают эффект стереоскопичности текста, поскольку взгляд писателя фиксирует объект изображения одновременно с нескольких позиций, концентрируясь, в первую очередь на производимом им действии.

(11) Er saß, im Halbprofil gegen den Betrachtenden, einen Fuß im schwarzen Lackschuh vor den andern

gestellt, einen Ellbogen auf die Armlehne seines Korbsessels *gestützt*, die Wange an die geschlossene Hand *geschmiegt*, in einer Haltung von lässigem Anstand und ganz ohne die fast untergeordnete Steifheit, an die seine weiblichen Geschwister gewöhnt schienen [20, S. 51].

В рамках одного предложения возникает портрет человека, детали внешности которого говорят о его самоуверенной раскованности. Параллелизм структуры в (11), аккумулирующий пять однородных обстоятельств, три из которых выражены однотипно построенными причастными оборотами, передает описание не столько позы субъекта повествования, сколько его внутренней независимости от отношения к нему окружающих. Пространственный фокус «изображения» переходит на психологический уровень благодаря детализации поведения персонажа, чему способствует ряд включенных в высказывание причастных оборотов. Важную роль при этом играет использование причастий с семантикой результативности, создающих временной ряд действия в прошедшем с элементом предшествования.

Композиционная гибкость причастий позволяет Т. Манну варьировать структуру включающих их предложений. Таким образом возникает особый ритмический строй его текста, что можно наблюдать в (12):

(12) Lau *angerührt* vom Hauch des Scirocco, auf dem nachgiebigen Element in Kissen *gelehnt*, schloss der Reisende die Augen im Genusse einer so ungewohnten als süßen Lässigkeit [ebd., S. 42].

В (12) два причастных оборота построены по разным моделям: в первом

это начальная позиция причастия, во втором, заключающая. Такая структурная организация обусловлена семантическими различиями первой и второй групп с причастиями, одна из которых отражает эмоциональное состояние субъекта повествования, а другая — его позу в момент описания. В результате семантическое различие подкрепляется позиционным, образуя своеобразную оппозицию.

Разнообразие выразительных возможностей художественного текста базируется на традиционных приемах использования языковых средств. Причастия в этом смысле представляют собой благодатный материал, в арсенале которого существуют типизированные комбинаторные схемы для выражения определенных семантических нюансов.

Например, второпричастные обороты со значением физического или душевного состояния субъекта с предлогом *von* и существительным со значением фактора, обуславливающего наличие данного состояния, часто служат для эксплицитного выражения чувств и переживаний персонажей художественного текста. Имена существительные в этих случаях обозначают не лица или «самостоятельно действующие» предметы, а ощущения, предметно представленные действия, элементы окружающей среды и т. п., вызывающие наличие именуемого состояния [22, с. 106].

Причастная группа распространяется существительным, обозначающим фактор воздействия на состояние субъекта описания, и дополняется элементами, придающими им образность. При этом происходит мотивное «обогащение» текста, что наблюдается в (13; 14; 15):

(13) Der Vierziger hatte, *ermattet von den Strapazen und Wechselfällen der eigentlichen Arbeit*, alltäglich eine Post zu bewältigen, die Wertzeichen aus aller Herren Ländern trug [20, S. 20].

(14) Er gedachte des schwermütigen-enthusiastischen Dichters, dem vormalig die Kuppeln und Glockentürme seines Traumes aus diesen Fluten gestiegen waren, er wiederholte im stillen einiges von dem, was damals an Ehrfurcht, Glück und Trauer zu maßvollem Gesange geworden, und *von schon gestalteter Empfindung müheelos bewegt*, prüfte er sein ernstes und müdes Herz, ob eine neue Begeisterung und Verwirrung, ein spätes Abenteuer des Gefühles dem fahrenden Müßiggänger vielleicht noch vorbehalten sein könne [ebd., S. 37–38].

(15) *Ermüdet, betäubt von dem Wirbel dieses seltsamen Vormittags*, ließ er sich, nachdem er den Inhalt seiner Handtasche im Zimmer verteilt, in einem Lehnstuhl am offenen Fenster nieder [ebd., S. 76].

Все три фрагмента (13–15) демонстрируют, что в сложном синтаксическом рисунке художественного текста Т. Манна причастные обороты с предлогом *von* и именем существительным в дативе являются продуктивной моделью для интеграции в повествование причин психологического состояния персонажей. Способность причастий к имитации предикативности в такой модели влияет на степень выразительности текста, увеличивая содержательное наполнение при относительной структурной краткости высказываний. Причастия *ermattet* — *измотанный* в (13) *bewegt* — *взволнованный* в контексте (14) и *ermüdet, betäubt* — *утомленный и оглушенный* в (15) связаны в

семантическом плане с передачей эмоционального состояния человека, в связи с этим следует отметить, что для так называемого чувственного фона текста данная модель имеет особое значение: она позволяет расширить пропозиционную наполненность высказывания, насыщая его эмоциогенными элементами.

Усилению экспрессивности текста, а значит, и его выразительности, в прозе Т. Манна также способствуют причастные обороты, в которых фигурируют дополняющие причастия уточнения. С их помощью автору удается передать не только качественные характеристики явлений или субъектов описания, но и их оттенки, тонко влияя при этом на впечатление реципиента.

(16) *Sonderbarerweise lächelte Herr Spinell; er lächelte zuvorkommend, ein wenig verwirrt und halb entschuldigend, führte die Hand zum Kopfe, als besänne er sich und sagte: "Ah, richtig...ja...ich erlaubte mir..."* [24, S. 42].

(17) *Sie war kaum vom Wochenbett erstanden, äußerst erschöpft, äußerst verarmt an Lebenskräften, als sie beim Husten ein wenig Blut aufgebracht hatte, — [...] [ebd., S. 8].*

Во фрагментах (16) и (17) можно наблюдать, как наречия меры и степени *ein wenig* — *немного*, *halb* — *наполовину*, *äußerst* — *крайне* позволяют дифференцировать характеристики действия/поведения персонажей, выраженные причастиями, благодаря чему изображаемая картина становится более яркой.

В тех случаях, когда причастия образуют перечислительные ряды, семантическая плотность текста увеличивается за счет повторяющегося

рисунка однотипной формы, экспрессивность текста повышается, возникает напряжение, что, как правило, усиливает общую выразительность повествования:

(18) *Es war das Lächeln des Narziss, der sich über das spiegelnde Wasser neigt, jenes tiefe, bezauberte, hingezogene Lächeln, mit dem er nach dem Widerscheine der eigenen Schönheit die Armestreckt, — ein ganz wenig verzerrtes Lächeln, verzerrt, neugierig und leise gequält, betört und betörend* [20, S. 96].

В примере (18) число определений имени существительного *Lächeln* — *улыбка* в виде препозиционного ряда *jene stiefe, bezauberte, hingezogene* и приложения *verzerrt, neugierig und leise gequält, betört und betörend*, нагнетание напряжения ведет к созданию яркого художественного образа, в завершении которого впечатляет использование в контактной позиции активного и пассивного причастий, образованных от глагола *betören* — *ослеплять*. Таким образом актуализируется значение воздействия, являющегося результатом активного процессуального акта и его завершения. Обе формы метафоричны, их семантика приводит к интенсификации признака по шкале возрастания, а само высказывание получает эффектную композиционную завершенность.

Художественный текст Т. Манна позволяет во всей полноте прочувствовать и понять, насколько яркими, выразительными, многообразными могут быть немецкие причастия. Обобщая сказанное, представим, какова в целом специфика причастий в художественном тексте Томаса Манна: сохраняя свойства

залоговости, темпоральности, выраженности категории вида причастия в составе атрибутивных групп различной степени распространенности, причастия придают определяемому ими имени существительному не только качественные, но и процессуальные характеристики. Результатом этого становится компрессия разнородной информации в высказывании, которая часто имеет эмоциональную семантику. Позиционная гибкость использования причастий в предложении, обусловленная их синтаксическими функциями, дает возможность влиять на ритмический рисунок текста, увеличивать его экспрессивность и, как итог, эффективность воздействия на адресата. Данные свойства мастерски используют

ся Т. Манном, который всеми признается как писатель, владеющий всеми приемами художественной выразительности. И в завершении проиллюстрируем комбинаторные возможности употребления причастий в его текстах еще одним фрагментом из многократно процитированной в данной статье всемирно известной новеллы «Смерть в Венеции», где каждое из пяти причастий встраивается в соответствующий сегмент предложения, образующего комплексную гармоничную и необыкновенно выразительную структуру:

(16) Und zurückgelehnt, mit hängenden Armen, überwältigt und mehrfach von Schauern überlaufen, flüsterte er die *stehende* Formel der Sehnsucht, — [...] “Ich liebe dich!” [ebd., S. 97].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов, В.В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.
2. Lenz, B. Probleme der Kategorisierung deutscher Partizipien // Zeitschrift für Sprachwissenschaft. 1993. Н. 12/1. S. 39–76.
3. Handwerker, B. Das Semantische und Syntaktische Potenzial von Partizipien im Deutschen // Estudios filológicos alemanes: revista del Grupo de Investigación Filología Alemana. 2007. № 13. págs. S. 123–138.
4. Вольнец, Т.Н. Об эволюции причастных форм в грамматической системе русского языка // Acta aneo philologica III. Olsztyn: Wydawnictwo Uniwersytetu Warminko-Mazurskiego, 2001. S. 109–117.
5. Замятина, И.В. Грамматика русского причастия. Пенза, 2009.
6. Теория функциональной грамматики. 1. Темпоральность. Модальность. Л.: Наука, 1990; 2. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991.
7. Колесникова, С.М. Залог и залоговость в современном русском языке // Русский язык в школе. 2016. № 4. С. 53–56.
8. Николина, Н.А. Категория времени в художественной речи. М., 2005.
9. Шаповалова, Т.Е. Категория синтаксического времени в русском языке. М., 2000.
10. Колесникова, С.М. Субъективная градуальная оценка действия и теория «степеней совершаемостей» русского глагола // Вестник Московского государственного областного университета, сер. «Русская филология». 2019. № 4.
11. Institutionelle Änderungen im Euro-Raum und der Europäischen Union URL: https://www.sachverstaendigenrat-wirtschaft.de/fileadmin/dateiablage/gutachten/ga201213/ga12_ii_anh.pdf (дата обращения: 12.11.2019).

12. Якобсон, Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика: сб. ст.: переводы / сост. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 462–482.
13. Виноградов, В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 601 с.
14. Дойчил, П.В. К проблеме грамматического статуса причастных форм / конструкций в славянских языках // Вестник волгоградского государственного университета. Сер.: Языкознание. 2016. С. 174–187.
15. Зубова, Л.В. Современная русская поэзия в контексте истории языка. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 432 с.
16. Красавский, Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2001. 38 с.
17. Mann, Th. Erzählungen. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun, 1980. 311 S.
18. Адмони, В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. 385 с.
19. Engel, U. Deutsche Grammatik. Heidelberg 1988. 888 S.
20. Mann, Th. Der Tod in Venedig. Berlin: S. Fischer Verlag, 2001. 140 S.
21. Mann, Th. Tonio Kröger. М.: Айрис Пресс, 2002. 234 с.
22. Эйхбаум, Г.Н. Обособленные члены предложения в немецком языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. 132 с.
23. Mann, Th. Tristan. Berlin: S. Fischer Verlag, 2001. 63 S.

REFERENCES

1. Admoni V.G. *Vvedenie v sintaksis sovremennogo nemeczkogo yazyka*. Moscow, 1955, 385 p. (in Russian)
2. Dojchil P.V. K probleme grammaticheskogo statusa prichastnyx form, konstrukcij v slavyanskix yazykax, *Vestnik volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya “Yazykoznanie”, 2016, pp. 174–187. (in Russian)
3. Ejxbaum G.N. *Obosoblennye chleny predlozheniya v nemeczkom yazyke*. Leningrad, Izdatelstvo Leningradskogo universiteta, 1974, 132 p. (in Russian).
4. Engel U. *Deutsche Grammatik*, Heidelberg, 1988, 888 S.
5. Handwerker B. Das Semantische und Syntaktische Potenzial von Partizipien im Deutschen, *Estudios filológicos alemanes: revista del Grupo de Investigación Filología Alemana*, 2007, No. 13, S. 123–138.
6. *Institutionelle Änderungen im Euro-Raum und der Europäischen Union*, available at: https://www.sachverstaendigenrat-wirtschaft.de/fileadmin/dateiablage/gutachten/ga201213/ga12_ii_anh.pdf (accessed: 12.11.2019).
7. Kolesnikova S.M. Subektivnaya gradualnaya ocenka dejstviya i teoriya “stepenej sovershaemostej” russkogo glagola, *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, Seriya “Russkaya filologiya”, 2019, No. 4 (in Russian)
8. Kolesnikova S.M. Zalog i zalogovost v sovremennom russskom yazyke, *Russkij yazyk v shkole*, No. 4, 2016, pp. 53–56. (in Russian)
9. Krasavskij N.A. *Dinamika emocionalnyx konceptov v nemeczkoi i russoj lingvokulturax: Extended Abstract of ScD dissertation (Philology)*. Volgograd, 2001, 38 p. (in Russian)
10. Lenz B. Probleme der Kategorisierung deutscher Partizipien, *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*, 1993, H. 12/1, S. 39–76.

11. Mann Th. *Der Tod in Venedig*. Berlin, S. Fischer Verlag, 2001, 140 S.
12. Mann Th. *Erzählungen*. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun., 1980, 311 S.
13. Mann Th. *Tonio Kröger*. Moscow, Ajris Press, 2002, 234 S.
14. Mann Th. *Tristan*. Berlin, S. Fischer Verlag, 2001, 63 S.
15. Nikolina N.A. *Kategoriya vremeni v xudozhestvennoj rechi*. Moscow, 2005. (in Russian).
16. Shapovalova T.E. *Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke*. Moscow, 2000.
17. *Teoriya funkcionalnoj grammatiki*. 1. Temporalnost. Modalnost. Leningrad, Nauka, 1990; 2. Personalnost, Zalogovost. Saints-Peterburg, Nauka, 1991. (in Russian)
18. Vinogradov V.V. *O yazyke xudozhestvennoj literatury*. Moscow, Goslitizdat, 1959, 654 p. (in Russian)
19. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*, 2-e izd. Moscow, Vysshaya shkola, 1972, 601 p. (in Russian)
20. Volynez T.N. „Ob evolyucii prichastnyx form v grammaticheskoy sisteme russkogo yazyka“, in: *Act aneo philologica III*. Olsztyn, Wydawnictwo Uniwersytetu Warminsko-Mazurskiego, 2001, S. 109–117.
21. Jakobson R. „Poeziya grammatiki i grammatika poezii“, in: *Semiotika: sb. st.: perevody*, sost. i obshh. red. Yu.S. Stepanova. Moscow, Raduga, 1983, pp. 462–482. (in Russian)
22. Zamyatina I.V. *Grammatika russkogo prichastiya*. Penza, 2009, pp. 5–16. (in Russian)
23. Zubova L.V. *Sovremennaya russkaya poeziya v kontekste istorii yazyka*. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 2000, 432 p. (in Russian)

Шипова Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, профессор, кафедра немецкого языка, Московский педагогический государственный университет, schipowa@mail.ru

Shipova I.A., PhD in Philology, Professor, German Language Department, Moscow Pedagogical State University, schipowa@mail.ru